

АГЛАЯ ВЕДОВА

ЗЕМЛЯ НЕ ПРИНИМАЕТ

ЗАЛОЖНОЕ · КНИГА ПЕРВАЯ

Аглая Ведова

Земля не принимает

«Автор»

2026

Ведова А.

Земля не принимает / А. Ведова — «Автор», 2026

Варя приезжает в сибирский городок Каменёв на похороны бабки, с которой не разговаривала пятнадцать лет. План простой: похоронить, продать дом, уехать за три дня. Но зеркала в доме завешаны клеёнкой и забиты гвоздями. Руки покойницы связаны белыми верёвочками, и старухи шёпотом требуют хоронить её «за оврагом» — там, где давно стоит жилой микрорайон. Участковый советует уехать до девятого дня. Батюшка отказывается отпевать: покойница сама не велела. Варя не слушает никого. Она хоронит бабушку по-людски, на общем кладбище. А через четыре дня бабушку впервые видят у магазина. Потому что есть покойники, которых земля не принимает. Потому что бабка Секлета держала этот город — и умерла, не передав дар. И теперь она будет ходить, пока не отдаст его единственному человеку, у которого хватило упрямства остаться. «Заложное» — серия самостоятельных мистических романов об одном городе, где всех «нечистых» покойников сто лет свозили в одно место. А потом это место застроили.

© Ведова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Приезд	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Аглая Ведова

Земля не принимает

Глава 1. Приезд

Глава 1. Приезд

От Абакана до Каменёва шёл автобус — старый «сетра» с провисшими шторками и телевизором под потолком, который не работал уже, судя по слою пыли, лет пять. Ехали четыре часа. Варя сидела у окна и смотрела, как степь переходит в предгорья: сначала жёлто-бурая, стриженная, с ржавыми водонапорными башнями, потом волнистая, с берёзовыми колками в распадках, а после Означенного пошли сопки — не горы ещё, но уже и не холмы: тёмные, поросшие лиственницей, с плоскими каменистыми макушками, между которыми дорога начинала петлять и вздыхать.

Соседка — женщина лет пятидесяти с двумя сумками рассады, ехавшая, судя по всему, всю жизнь, — попыталась завести разговор на втором часу.

— Далёко?

— В Каменёв.

— В Каменёв... — Соседка помолчала, будто пробуя слово. — К родне?

— На похороны.

— А-а. — Женщина перекрестилась мелко, привычно, и вдруг спросила совсем другим голосом, тише: — А к кому?

Варя не поняла тогда, почему её это удивило. Обычный вопрос, вежливое участие. Она ответила: к бабушке, Одинцовой. И соседка кивнула, отвернулась к окну — и до самого Каменёва больше не сказала ни слова. А на выходе, уже с сумками в проходе, задержалась на секунду у Вариного кресла и произнесла, глядя куда-то вверх:

— Дай ей бог. Хорошая была бабушка.

И вышла, ускорив шаг.

Каменёв встретил Варю железнодорожным тупиком, комбинатом с провалившейся крышей и запахом — тем самым, который она забыла и который вернулся сразу, целиком, за одну секунду: угольным дымом, полыньёю и рекой. Автостанция была всё та же: одноэтажная, с расписанием, крашенным от руки, и с продавщицей семечек, которая, кажется, тоже была та же. Такси не оказалось. Идти было двадцать минут, и Варя пошла пешком, катя за собой чемодан, — и колёсики на разбитом асфальте гремели на весь город, объявляя всем и каждому: приехала, вот она, городская, вот она идёт.

По дороге на неё смотрели. Не в упор — искоса, из-за занавесок, от палисадников, поверх грядок. Смотрели и отворачивались, когда она поднимала глаза. У четвёртого дома старик, красивший забор, положил кисть, распрямился и провожал её взглядом полквартала, не скрываясь.

К калитке она подошла в шестом часу вечера. Дом стоял, как стоял, — только зарос: черёмуха разлапилась, сирень перла из палисадника на улицу. И был он меньше, чем в памяти: детская память всё увеличивает, но тут дело было не только в этом. Дом осел. Нижние венцы ушли в землю на ладонь, крыльцо перекосило, и наличники, которые бабка каждую весну красила синим, стояли облупленные третий год.

Варя остановилась и посмотрела на него — на дом, в котором провела девять летних сезонов и не была пятнадцать лет.

И дом посмотрел на неё в ответ. Тёмными окнами. Всеми пятью. У калитки на скамеечке сидели две старухи в платках. Молча. Просто сидели, будто ждали автобуса, которого тут отродясь не было.

Когда Варя открыла калитку, обе разом встали.

И одна сказала другой, вполголоса, но так, что Варя услышала:

— Слава богу. Приехала. Теперь можно и в дом заходить.

Зеркала в бабкином доме были завешены клеёнкой. Не простынями, не чёрным ситцем, как показывают в кино, — обычной столовой клеёнкой в мелкий голубой цветочек, и Варя, ещё не сняв рюкзак, машинально отметила, что клеёнка прибита к наличникам гвоздями. Маленькими, обойными, с широкими шляпками. По периметру, сантиметров через десять. Кто-то стоял перед зеркалом с молотком и бил аккуратно, не торопясь, чтобы нигде не осталось щели.

— Ты проходи, проходи, — сказала тётка в сером платке, которую Варя не знала. — Не разувайся только.

— Почему?

Тётка посмотрела на неё так, как смотрят на ребёнка, спросившего, почему нельзя есть снег.

— Полы холодные, — сказала она после паузы и ушла в комнату, где горел свет и пахло воском.

Полы в доме были тёплые. Печь топилась — Варя чувствовала её сухое дыхание из-за перегородки, — и это было отдельно странно, потому что стоял конец августа и днём в Камёнке было под двадцать пять. Она поставила рюкзак у вешалки, под бабкины пальто, которые висели тут, кажется, с прошлого её приезда — пятнадцать лет назад, — и пошла на свет.

Гроб стоял на двух табуретках посреди большой комнаты, головой к красному углу. Крышка была приставлена к стене в сенях — Варя прошла мимо неё и не сразу поняла, мимо чего прошла. Вокруг сидели старухи, штук шесть, все в платках, все с прямыми спинами, и негромко разговаривали — не о покойнице, а о какой-то Зинаиде, у которой сын опять продал мотоблок. При Варином появлении разговор не прервался, только притих на полтона, как радио, у которого чуть повернули ручку.

Бабка лежала маленькая. Это первое, что Варя подумала, и тут же устыдилась, что думает о размере, как будто выбирает коробку. Но Секлетинья Матвеевна Одинцова при жизни маленькой не была никогда — она была широкая, тяжёлая в кости, с руками, которыми ловила за холку соседского бычка. А в гробу лежала сухонькая старушка с жёлтым, спокойным, чужим лицом, и только брови остались бабкины — густые, сросшиеся, сердитые.

Руки её были связаны в запястьях белой верёвочкой. Ноги, насколько Варя могла видеть под покрывалом, — тоже.

— Это зачем? — спросила она негромко, ни к кому.

— Чтоб лежала смирно, — так же негромко ответила ближняя старуха, не оборачиваясь.

— В смысле — чтобы не растрясло? Когда нести будут?

Старуха повернула к ней голову. У неё было круглое доброе лицо и очки с такими толстыми линзами, что глаза за ними плавали, как в аквариуме.

— Ага, — сказала она приветливо. — Когда нести. Ты внучка, что ли? Варвара?

— Варвара.

— Похожа, — сказала старуха с непонятной интонацией и отвернулась.

Варя простояла у гроба сколько положено — она не знала, сколько положено, и стояла, пока не затекла спина. Плакать не получалось. Она пробовала вызвать в себе что-нибудь — детство, малину, как бабка учила её доить и коза наступила ей на ногу, — но между ней и гробом стояло пятнадцать лет молчания, два неотвеченных письма и мать, которая сказала: «К этой ведьме ты больше не поедешь», и не объяснила ничего, а Варя и не спрашивала, потому что в четырнадцать лет уезжать из Каменёва в город хотелось гораздо сильнее, чем оставаться.

Она попробовала вспомнить последний разговор с бабушкой и не смогла — не потому, что забыла, а потому, что его не было. Было последнее письмо: бабка писала от руки, на тетрадном листе, и Варя, двадцатилетняя, прочитала его в общежитии, посмеялась над «Варенька, кушай горячее» и не ответила. Потом было второе письмо, через полгода, и на него она тоже не ответила — уже нарочно, потому что отвечать на второе, не ответив на первое, было стыдно, а стыд, как известно, лечится только полным молчанием.

Больше писем не приходило.

И вот на этом месте, у гроба, в чужой натопленной комнате, Варю впервые за день качнуло по-настоящему: она поняла, что бабка ждала ответа шесть лет и не написала третьего письма не потому, что обиделась, а потому, что поняла — и не стала мучить.

Телеграмму — настоящую бумажную телеграмму, Варя не знала, что они ещё существуют, — принесли позавчера на адрес, по которому она не жила уже три года. Хозяйка квартиры нашла её в почтовом ящике и сфотографировала. «СЕКЛЕТИНЬЯ ПРЕСТАВИЛАСЬ ХОРОНИМ СУББОТУ ПРИЕЗЖАЙ ОДНА ТЧК». Без подписи. Мать, когда Варя позвонила, долго молчала, потом сказала: «Не езд», — и по тому, как она это сказала, Варя поняла, что поедет.

Пока она стояла, старухи негромко переговаривались за спиной, и Варя, вслушиваясь, поняла, что говорят не о покойнице и не о ней. Говорили о деле.

— ...с утра надо, до жары.

— Три чистых бери. Одно на низ, два на верх.

— А воду откуда?

— Не отсюда. Своей принесём.

— Правильно. Отсюда нельзя, отсюда уж не то.

— И это. Порожек ей подмети. Не мети, а подмети, к порогу мети, наружу не выноси.

Варя обернулась. Старухи разом замолчали и посмотрели на неё — не виновато, а выжидательно, как смотрят на человека, от которого ждут распоряжений и не уверены, что он умеет их отдавать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.